УДК 327

Руслан МАХМУТОВ

Николай ЛИТВАК

СТАНОВЛЕНИЕ БЕЛОРУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭПОХУ РЕФЛЕКСИВНОГО МОДЕРНА

Статья поступила в редакцию 27.02.2020

Аннотация. В статье проведено междисциплинарное исследование социокультурных оснований постсоветской политики Белоруссии, в частности, ценностного и языкового факторов. Данные факторы определяются на основании личной и институциональной социальной рефлексии. Актуальность исследования обусловлена как внутренними, так и внешними для Минска обстоятельствами. Как и в остальных странах СНГ, в Белоруссии продолжается поиск собственной, постсоветской идентичности, на формирование которой оказывают влияние сторонники разных типов социально-экономической системы. Этот процесс происходит в контексте постсоветского переформатирования регионального и мирового миропорядка – расширения ЕС и НАТО и попыток формирования на Востоке евроазиатских структур. Факторы ценностной, культурной и языковой самоидентификации исследованы методами сравнительного и исторического анализа в контексте рефлексивной социологии. Новизна исследования заключается в анализе выстраивания белорусской идентичности на основе русского языка. В Белоруссии наблюдается процесс, сходный с процессами в других, в частности, европейских государствах, в которых признание различных государственных языков не мешает сохранению суверенитета и особой идентичности.

Ключевые слова: белорусская идентичность, белорусский язык, социальная рефлексия.

В отличие не только от постсоветских среднеазиатских, но и от восточноевропейских государств, которые сконцентрировались на решении проблемы самоидентификации в основном *националистическими* идеологическими средствами, бело-

© **Махмутов Руслан Рашидович** – соискатель кафедры организационного проектирования систем управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ИГСУ) РАНХиГС. Председатель Правления организации “Евразийское Содружество”. **Адрес:** 119606, Москва, пр-т Вернадского, 84. **E-mail:** 7900900rus@gmail.com

© **Литвак Николай Витальевич** – д.с.н., профессор кафедры философии им. А.Ф. Шишкина МГИМО МИД России. **Адрес:** 119454, Россия, Москва, пр-т Вернадского, 76. **E-mail:** jourfr@mail.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32020128138>

русская политическая система и социум в целом оказалась в русле новейших социокультурных процессов эпохи рефлексивного модерна [Гидденс, 1990]. Для Белоруссии характерна ускоряющаяся и усложняющаяся социокультурная динамика, порождающая “индивидуальную и институциональную рефлексиию – постоянное наблюдение людей, социальных групп, институтов, выяснение ценностей, идей и соотнесение их с собственным сознанием с целью возможного изменения своих позиций и поведения” [Литвак, 2018]. Для анализа становления [Штомпка, 1991] социальных рефлексивных институтов [Бурдьё, Вакан, 1992] и индивидуальной рефлексии было предпринято междисциплинарное исследование, сфокусированное на ценностях и процессах межкультурной коммуникации, прежде всего, в их языковом аспекте. Для более объективного компаративного анализа в источниковую базу был включен большой массив не только официальной статистики, но и исследований независимых белорусских и иностранных социологов, выступающих, как минимум, за ценностную западноевропейскую интеграцию Белоруссии.

Поиск ценностных основ самоидентификации

После распада СССР Белоруссия, как и остальные бывшие советские республики, приступила к поиску своей новой постсоветской идентичности. Первый и стандартный шаг состоял в обращении к прошлому, национальным корням, что, однако, так же естественно привело к проблеме определения социокультурных оснований и соответствующих опорных временных точек в этом самом прошлом. В частности, до сих пор в опросах о современных предпочтениях белорусов отмечается достаточно широкий спектр форм белорусского государственности, истоки которой респонденты видят в разных исторических периодах (см. Таблицу 1) [Рудкоўскі, 2019].

Таблица 1.

Исторические истоки государственности Белоруссии, %

	2009 г.	2018 г.
Полоцкое и Туровское княжества (9–13 вв.)	17,7	15,9
Великое княжество Литовское (13–18 вв.)	38,1	30,4
Белорусская Народная Республика (1918–1920 гг.)	5	7
Белорусская Советская Социалистическая Республика (1922–1991 гг.)	12,4	21,8
Республика Беларусь (с 1991 г.)	9,2	9,3
Затрудняюсь ответить / не знаю	17,7	15,7

Для 52,6% белорусов в 2018 г. (56,9% в 2009 г.) главным праздником являлся день освобождения Минска от немецких нацистов [Рудкоўскі, 2019]. Очевидно, что пока не существует однозначного мнения, что именно стоило бы *возродить* (мы обращаем внимание на этот термин, поскольку именно возрожденческая риторика наиболее часто используется в отношении белорусского языка, которому уделяется

важное место в данном исследовании). Но для большинства общества понятно, что реальный возврат к досоветскому периоду, тем более, к языческим порядкам (что предлагается некоторыми националистами), не вписывается ни в концепцию суверенитета, ни в ценности современной демократии.

Примерно поровну разделились ответы относительно *самоидентификации* в качестве гражданина мира: полностью с этим согласны 20,6% (26,1 от 18 до 29 лет), в общем согласны ещё 28% (29,6), т.е. всего 48,6% (55,7 от 18 до 29 лет); категорически не согласны 15,5% (13,8 от 18 до 29 лет) и просто не согласны 34,9% (29,5), т.е. всего 50,4% (43,7 от 18 до 29 лет) [World Values Survey, 2011]. При том что на вопрос о белорусском гражданстве положительно ответили 98% респондентов, на вопрос о принадлежности к белорусской нации “полностью согласен” ответили 60,4% и просто “согласен” – 28,9%. На вопрос о национальности (дословно – “этнической группе”) белорусами себя назвали 87,3% (92,8 от 18 до 29 лет), русскими 7,1% (3,1), поляками 2,6% (1,1), украинцами 1% (0,5) [World Values Survey, 2011]. Согласно данным последней переписи населения (2009 г.), национальный состав республики почти такой же (с учётом того, что за детей ответили их родители): к белорусам себя отнесли 83,7% принявших участие в переписи, к русским – 8,3%, к полякам – 3,1%, к украинцам – 1,7% [Итоги переписи населения, 2010].

Однако, если обратиться ко всей ценностной палитре, то оказывается, что несомненное лидерство принадлежит социально-экономическому блоку. Последний опрос в Белоруссии в рамках проекта “Всемирный обзор ценностей” (ВОЦ), 2011 г., выявил в качестве *основной ценности экономического* положение её граждан, что значительно (в два раза) превышало ценности демократии при минимальном интересе к политике [World Values Survey, 2011]. Важным в данном контексте представляется также широко распространённое (более половины респондентов) *недоверие* к иностранцам, иноязычным и инокультурным людям (включая и русскоязычных). При этом и другие исследования показывают, что, “если большинство русских считают, что составляют с белорусами один народ, большинство белорусов придерживаются мнения о независимом историческом развитии” [Аналитический отчет, 2013]. Такую ситуацию и такое недоверие можно интерпретировать в т.ч. и как отношение к конкурентам, значимой защитой от которых как раз и является *суверенитет*. При неясных, но, по существу, спекулятивных перспективах, предлагаемых националистической пропагандой, внимание большинства социума оказалось сфокусировано на реальной повседневной, прежде всего, экономической проблематике.

Огромные изменения в типе экономической системы на постсоветском пространстве, с последовавшими изменениями в социальной структуре общества и его процессах жизнедеятельности, потребовали от людей чрезвычайных усилий для выживания и адаптации к новой реальности, а от властей – принятия мер для предотвращения исчезновения государства и общества. В каждой вновь образовавшейся стране в постсоветский период это произошло по-своему, причём процессы эти не везде завершились. В Белоруссии экономические ценности по-прежнему преобладают.

Серьёзную социальную проблему представляет молодёжная безработица. По официальным данным, безработица в Белоруссии – едва ли не самая низкая в мире – менее 1%. Однако, по мнению большинства экспертов, в действительности она

может составлять от 6 до 10%. Это связано со сложностью подсчёта скрытых безработных, которые не регистрируются из-за небольшого размера пособия, но при этом обязательного участия в низкоквалифицированных общественных работах [Лепешев, 2018]. Официально озвученная доля молодёжи среди безработных составляла 28,5% в 2018 г. (30,8% в 2017 г.) [БЕЛТА, 2018]. В специальном законе (“Об общих началах государственной молодежной политики в Республике Беларусь” от 24 апреля 1992 г.) такая политика определена как система социально-экономических, политических, организационных и правовых мер. Конкретное содержание большинства таких мер: улучшение жилищных условий, профориентация и трудоустройство, социально-экономическая поддержка молодой семьи, создание надлежащих условий для труда и быта рабочей и сельской молодёжи, закрепление молодых специалистов на селе и др. При открытых границах белорусская молодёжь, студенчество, имеют возможность проецировать на себя и европейские реалии. Выбор часто стоит не между большой и маленькой зарплатами (в таком случае многие давно бы уже уехали из Белоруссии), а между маленькой зарплатой и её отсутствием в силу проблем с трудоустройством в других европейских странах. Тем более что перед глазами у граждан Белоруссии пример соседних Польши и прибалтийских республик, молодёжь которых массово покидала родину в направлении Европы, где конкурирует в сфере малоквалифицированного труда с другими европейскими мигрантами или иммигрантами. Возможно, что в этой ситуации белорусская молодёжь взрослеет с более объективными взглядами на жизнь, в условиях отсутствия как нефтегазовой, так и научно-промышленной, культурно-туристической ренты (как в России и Европе).

Языковой контекст и тенденции

В условиях ценностной самоидентификации наиболее частым является обращение, особенно в контексте “возрожденческой” проблематики, к языковому аспекту. Большинство националистов полагают его самодостаточным основанием для любой нации. Однако язык, как и другие социально-исторические понятия, не является самой по себе константой, о чём свидетельствует уже сам факт попыток его возрождения. Абсолютное большинство белорусов говорит на русском языке (см. Таблица 2) [World Values Survey, 2011].

Таблица 2.

На каком языке Вы обычно говорите дома? 2011 г., %

Язык	итого	до 29 лет	30–49 лет	50 и старше
Белорусский	6,5	1,3	3,9	11,9
Креольские и пиджины	9,7	4,6	7,9	14,2
Польский	0,1	0	0	0,2
Русский	83,3	93,6	87,8	73,4

Обобщая результаты подобных исследований 2009-2018 гг., даже европейски ориентированные белорусские социологи делают вывод, что “немного людей активно владеет белорусским языком и совсем мало пользуется им в ежедневном общении”. В отличие от национального состава Белоруссии, в целом совпадающего по данным и ВОЦ, и последней переписи населения (2009 г.), в языковой области имеются существенные расхождения (Таблица 3. Составлена авторами) [Итоги переписи населения, 2010].

Таблица 3.

Владение белорусским и русским языком, 2010 г., %

Язык	Белорусский	Русский
Родной язык	52,6	41,6
Язык, на котором обычно разговаривают дома	23,2	70,2
Другой язык, которым свободно владеют	13,5	13,7

Тем не менее и эти данные можно интерпретировать как подтверждающие общую тенденцию перехода белорусского социума на русский язык. Согласно методологии переписи, национальность детей, их родной язык и язык, на котором обычно разговаривают дома, определялся родителями, в то время как остальные опросы проводились только среди граждан старше 18 лет, самостоятельно отвечавших на эти вопросы. В случае, когда отвечали только взрослые, 86% сочли белорусский язык “важнейшей частью нашей культуры, которая должна сохраниться”, 65,9% хотели бы, чтобы их дети говорили на белорусском так же хорошо, как на русском. Эти, ценностные факторы, очевидно, и оказывают соответствующее влияние на результаты, которые получаются в ходе переписей.

Согласно комплексному исследованию взаимодействия русского и белорусского языков за последние 100 лет, к настоящему времени *белорусский язык полностью уступил русскому как средству общения и образования* [Расінскі, 2019]. Это позволяет сделать вывод о превосходстве объективных факторов, прежде всего социально-экономического, над политическими в области языковой политики. Даже белорусизация печати и книгоиздания после революции 1917 г. (на волне пролетарского интернационализма, свободного и политически поддерживаемого развития всех национальных культур), а также послевоенная кампания роста образовательного сегмента на титульном языке, не смогли коренным образом поменять положение белорусского языка в Белоруссии. Что касается постсоветского периода, то уже с 1995 г. в книгопечатании главную роль стал играть русский язык; с 1994 г. развивались преимущественно русскоязычные газеты, а с 1995 г. – журналы, хотя, в 2017 г. уровень книгоиздания на белорусском языке достиг уровня довоенной белорусизации [Расінскі, 2019].

Однако данные о выпуске литературы на том или ином языке (без точных сведений о её потреблении), как и данные опросов (которые только вероятностным образом фиксируют то, что думают респонденты на самом деле), можно сопоставить со статистикой в сфере образования. После 1994 г. и в городах, и в сельской местности резко сократилось число дошкольных образовательных учреждений на белорусском языке. В деревне с 96,6% в 1994 г. до 52,7% в 2017 г. уменьшилось количество детей,

воспитывавшихся в таких учреждениях. Три четверти современных белорусов живёт в городах, где их совсем мало. Примерно то же самое наблюдается и в школьном образовании. После Великой Отечественной войны школы на белорусском языке остались только в сельской местности. Ещё более показательна ситуация в высшем образовании, поскольку оно, с одной стороны, является результатом предыдущих ступеней системы учёбы, а с другой – обозначает перспективы для будущих студентов. Количество студентов, обучавшихся на белорусском языке, уменьшилось с 20 тысяч в 1997 г. до 291 человека (0,5% всех студентов) в 2017 г., причём все они – студенты-заочники [Расінскі, 2019]. Кроме того, во второй половине 2010 гг. более 20 тыс. белорусских студентов обучались в российских вузах (второе место по численности среди студентов-иностранцев).

С этими реалиями контрастирует уровень институциональной рефлексии даже западно-ориентированного экспертного сообщества. Например, сотрудники одного из самых активных в аналитическом информационном поле Белорусского института стратегических исследований (БИСИ), который к тому же действует в Вильнюсе и получает европейское и американское финансирование, определяют белорусизацию как “процесс укрепления в общественном сознании белорусского национального тождества путём утверждения значимости белорусского языка, а также продвижения нарратива и символов, которые подчеркивают историко-культурную самобытность белорусов” [Белорусский институт, 2018]. Помимо этого, белорусизация – это укрепление “национальной самоидентификации путём продвижения “длинной истории” белорусской государственности и культивирования идентификационной роли белорусского языка” [Рудкоўскі, 2019]. Язык в данном случае рассматривается отдельно от выражаемых на нём специфических ценностей, абсолютизируется и абстрагируется от своей социокультурной истории, тогда как он складывался именно как выражение самобытности, специфических для каждого народа действий, позиций, соответствующих историческому моменту ценностей. Конечно, определённый успех попыток возродить отдельно язык возможен (например, в Израиле, на Украине). Однако, будучи культурно-историческим явлением, язык существует либо в силу его исторической востребованности, либо вследствие политико-идеологических действий (по окончании которых сходит на нет и их результат). Естественноисторическая же востребованность языка следует за свободой действий, которую обрели, добились и используют его носители, что и обуславливает использование соответствующего языка в конкретный момент истории и привлекает к нему тех иноязычных, кто такой свободы не имеет и может реализовать её только в наиболее свободном в данный момент социуме, говорящем на соответствующем языке.

Белоруссия в эпоху рефлексивного модерна

В качестве примера становления институциональной рефлексии (в дополнение к индивидуальной рефлексии, показанной на примере языка), приведём проект “белорусизации”. Основной причиной его появления является необходимость обоснования и укрепления белорусского суверенитета, который есть исторически сравнительно новое явление, подвергающееся различным испытаниям. Как и любое со-

временное государство, Белоруссия находится в поле информационного влияния как своих соседей, так и глобальных международных игроков. Россия, Европейский союз, США и КНР, Польша и Литва – каждый в своих интересах выстраивает в отношении Минска свою политику в контексте постсоветского переформатирования регионального и мирового миропорядка – расширения ЕС и НАТО с Запада, формирования на Востоке евроазиатских структур, ЕАЭС, ШОС, ОДКБ. В геополитической стратегии США главным является даже не присоединение тех или иных стран к НАТО, а их невхождение в какие-либо другие союзы, тем более, направленные против интересов Соединённых Штатов. Поэтому выход из СНГ, к примеру, является с этой точки зрения достаточным для страны. Минск представляет для Вашингтона интерес и в контексте европейской политики. На уровне ЕС приняты программы регионального сотрудничества приграничных областей “Польша–Беларусь–Украина” и “Латвия–Литва–Беларусь” на 2014–2020 гг. С 2009 г. Минск участвует в программе “Восточное партнёрство” ЕС.

Несмотря на развитую инфраструктуру зарубежных организаций в РБ (культурные центры, НКО, расположенные за рубежом, но нацеленные на белорусов исследовательские и образовательные структуры), говорить о существенных результатах такого влияния преждевременно. Например, исследователи БИСИ выяснили, что граждане Литвы и Польши считают Белоруссию и белорусов в целом *недружественными*. Это, по мнению социологов, связано с крайне низкой посещаемостью – только около 1% поляков бывали хотя бы однажды в Белоруссии. Напротив, жители России и Украины считают её дружественной страной, готовы развивать с ней торгово-экономические отношения и даже оказывать военную помощь [Мельянцов, Артеменко, 2016]. В свою очередь, по данным опросов, в 2014 г. 60% граждан Белоруссии поддержали российские действия в украинском кризисе [Тагильцева, 2014]. В 2016 г. – больше половины считали воссоединение Крыма с Россией “возвращением русских земель, восстановлением исторической справедливости” [Белорусские новости, 2016]. Польский и литовский проекты противоречат идее белорусского суверенитета и идентичности, обращены в прошлое, на основании которого они могли бы вновь в той или иной форме подчинить всю Белоруссию или отдельные её регионы. Белорусы отдают себе отчёт, что планы глобальных игроков по отношению к *независимой* Белоруссии противоречат их собственным.

В поисках объединяющих ценностных оснований в республике официально организована *идеологическая работа*, основой для которой можно считать указ от 20 февраля 2004 г. “О совершенствовании кадрового обеспечения идеологической работы”. Полагая идеологию инструментом сплочения общества, сам президент А.Г. Лукашенко вполне отдаёт себе отчёт о сложности “изобретения государственной идеологии”. Нашлось здесь место и аспекту белорусизации: в августе 2019 г. заместителем главы Администрации Президента по идеологии и работе со СМИ был назначен белорусскоязычный журналист и поэт А. Кунцевич; среди его предшественников были также белорусскоязычные И. Бузовский, А. Конойко и др.

Однако в дискурсе всех высших руководителей РБ основной является *экономическая повестка*, которая обусловлена объективными основаниями. В тесной связи с концепцией мирового “общества риска”, в конце прошлого века французский социолог Р. Кастель сформулировал концепцию “зарплатных обществ” (т.е. таких, в

которых абсолютное большинство работает за зарплату: сегодня в Европе – более 86%). Для граждан таких обществ наиболее значимыми становятся такие *социальные риски*, как деградация возможностей и условий труда, рост безработицы, распад семейных связей, а также международный терроризм и даже риск для демократии в Европе со стороны ультраправых. Кастель предложил выработать новую, более прагматичную концепцию риска, чтобы не пребывать в постоянной неуверенности из-за непредсказуемости. Необходимо предвидение и регулирование текущих рисков – от экологических до безработицы, что затруднительно при общем кризисе современного капитализма. Этим реалиям и соответствует социально-экономическая ситуация в современной Белоруссии, не только не допустившей деиндустриализации, как остальные бывшие республики СССР и даже большинство европейских стран, но и культивирующей промышленные предприятия, причём крупные даже по европейским меркам, хотя их основным рынком сбыта является Россия.

Белорусский постсоветский госкапитализм в контексте реалий “зарплатных обществ” формирует новую идентичность белорусского народа. Президент А.Г. Лукашенко в условиях *становления* идентичности включает в неё не только прошлое (“не допустить охаивания” того, что уже сделано и “что поддерживается большинством народа”), но и будущее (“нужна такая зажигающая вещь, которая была бы воспринята всем обществом, к которой бы стремились”). Официально контуры будущего определены уже в 2001 г. в концепции развития “Вместе – за сильную и процветающую Беларусь!”. Её приоритетами заявлены повышение благосостояния народа, улучшение качества жизни путём постепенного, эволюционного движения, основанного на политической и социально-экономической стабильности общества. Отношения с Москвой, включая интеграцию, являются не самоцелью, а средством роста благосостояния граждан. Эта *становящаяся идентичность возможна как русскоговорящая*. В этом отношении белорусские социальные институты соответствуют эпохе рефлексивного модерна, подобно целому ряду суверенных государств с одним государственным языком (французским во Франции, Бельгии, Швейцарии, немецким в Германии, Австрии, Швейцарии, Люксембурге, Бельгии, Лихтенштейне и т.д.). Определяющим здесь является, как естественно или искусственно развивается языковая и в целом культурная ситуация, т.е. свободно или принудительно это происходит, может ли в *действительности* каждый гражданин сделать языковой выбор *самостоятельно* или он только обязан подчиняться выбору, сделанному за него другими, пусть и с самыми добрыми намерениями. Такая свобода существует в Белоруссии.

Выводы

Ориентированные на Запад белорусские либералы говорят и пишут о задаче национального *возрождения* и “мягкой” белорусизации как её форме, осуществляемой “прагматичным” политиком А.Г. Лукашенко с целью удержания власти. В действительности Президент РБ действует в рамках становящихся рефлексивных социальных институтов. Имеет место осознание того, что перед белорусским наро-

дом, обществом стоит задача не мифического возрождения, а формирования новой белорусской нации в новых же постсоветских условиях.

Одержимость языковым аспектом в соседних странах не решает в них проблему самоидентификации, а воспроизводит её. Решения лежат в другой области – в формировании *образа будущего* как общества, развивающегося в направлении реальных, понятных и устойчивых социально-экономических достижений. Существенно при этом, что кроме социалистических ценностных воззрений, которые, как наследие советского прошлого, ставятся в вину действующему белорусскому президенту; речь идёт и о внедрении идей управляемой, экспертной демократии, которые были сформулированы во второй трети XX в. западными политологами и футурологами [Литвак, 2010].

Социальная рефлексия происходящего не только у белорусских соседей, но и в Европе, и в мире в целом, укрепляет интуитивное понимание своей национальной и культурной идентичности. При сохранении суверенитета она может быть успешно выражена и на русском языке, как естественном и актуальном для современного общества. Такое направление развития белорусской идентичности является следствием становления в стране социальных институтов нового, рефлексивного типа, способных к *самоизменению*. В Белоруссии происходят процессы, сходные с таковыми в других европейских государствах, в которых признание разных государственных языков (или наличие одного и того же языка у разных стран) не мешает сохранению суверенитета и особой идентичности, культурной и политической самобытности жителей страны. Политика языковой сегрегации/ассимиляции в отношении нетитульных наций прибалтийских и украинских соседей, как средства национальной самоидентификации и “решения” политических и экономических проблем, отвергнута. Белорусское политическое руководство отказывается от архаичного отождествления национальной, социокультурной идентичности с исключительно языковой ассимиляцией в пользу свободного становления этой идентичности, включая и языковую. Белорусский язык также существует в естественных условиях – он считается частью национальной культуры и свободно выбирается (или нет) гражданами.

Список литературы

Аналитический отчёт по результатам социологического исследования социокультурных последствий интеграции в ЕЭП (2013), URL: <https://c-discurs.ru/wp-content/uploads/2013/08/Otchet-po-EE%60P-otkorrektirovannyiy.pdf> (дата обращения 09.06.2018).

Белорусские новости (2016) Больше половины белорусов — против объединения с Россией, URL: http://naviny.by/rubrics/society/2016/03/29/ic_news_116_472690/ (дата обращения: 25.05.2016).

Белорусский институт стратегических исследований (2018), URL: <https://belinstitute.com/> (дата обращения: 22.11.2018).

БЕЛТА (2018) Проблемами молодёжного рынка труда в Беларуси займётся межведомственная рабочая группа, URL: <https://www.belta.by/society/view/problemami-molodezhnogo-rynka-truda-v-belarusi-zajmetsja-mezhvedomstvennaja-rabochaja-gruppa-322578-2018/> (дата обращения: 22.04.2019).

БрамаBY (2014) Две трети белорусов поддерживают рашизм и Крымнаш – опрос, URL: <http://bramaby.com/ls/blog/bel/934.html> (дата обращения: 30.05.2016).

Гречнева Е.Ф. (2014) Реализация государственной молодёжной политики в республике Беларусь, URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/106442> (дата обращения 03.04.2019).

Итоги переписи населения 2009 (2010) Статистический бюллетень № 26/5-р. URL: https://www.belstat.gov.by/informatsiya-dlya-respondenta/perepis-naseleniya/perepis-naseleniya-2009-goda/statisticheskie-publikatsii/statisticheskie-byulleteni/index_544/ (дата обращения: 27.05.2018).

Лепешев Д.И. (2018) Статистический анализ производственного потенциала малого предпринимательства Гродненской области, в кн. В.А. Ганского, В.Л. Цыбовского (ред.), *Бизнес и предпринимательство в условиях современной экономики: организационные, управленческие и финансовые аспекты устойчивого развития*. ООО “Ковчег”, Минск, Беларусь, с. 58–74.

Литвак Н.В. (2010) К вопросу о классификации концепций информационного общества, *Социологические исследования*, №8, с. 3–11.

Литвак Н.В. (2018) Современная дипломатическая служба как рефлексивный институт, *Политические исследования*, № 2, с. 163–172.

Мельянцева Д., Артеменко Е. (2016) “Мягкая сила” Беларуси в регионе: оценка потенциала. Доклад 31.05.2016, URL: <https://belinstitute.com/ru/node/3373> (дата обращения: 20.02.2018).

Расінскі А. (2019) Беларуская мова: 1918-2018. На прыкладзе адукацыі і друку, URL: <https://belinstitute.com/ru/article/3576> (дата обращения: 22.09.2019).

Рудкоўскі П. (2019) Нацыянальная ідэнтычнасць : дзяржаўная палітыка і грамадская я думка, в кн.: *Белорусский ежегодник, Logvino Literatūros namai, Vilnius, Lituania*, с. 109–117.

Тагильцева Ю.Р. (2014) Брат ты мне или не брат?, или Информационно-психологическая война в контексте российско-белорусских отношений, *Политическая лингвистика*, № 4, с. 180–186.

References

Analiticheskii otchet po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniia sotsiokul'turnykh posledstviiv integratsii v EEP (2013), available at: <https://c-discurs.ru/wp-content/uploads/2013/08/Otchet-po-EE%60P-otkorrektirovannyi.pdf> (accessed: 09.06.2018).

Belorusskie novosti (2016) Bol'she poloviny belorussov — protiv ob'edineniia s Rossiei, available at: http://naviny.by/rubrics/society/2016/03/29/ic_news_116_472690/ (accessed: 25.05.2016).

Belorusskii institut strategicheskikh issledovaniy (2018), available at: <https://belinstitute.com/> (accessed: 22.11.2018).

BELTA (2018) Problemami molodezhnogo rynka truda v Belarusi zaimetsia mezhvedomstvennaia rabochaia gruppa, URL: <https://www.belta.by/society/view/problemami-molodezhnogo-rynka-truda-v-belarusi-zajmetsja-mezhvedomstvennaja-rabochaja-gruppa-322578-2018/> (accessed: 22.04.2019).

Bourdieu P., Wacquant L.J. (1992) *An Invitation to Reflexive Sociology*. Chicago: University of Chicago Press.

BramaBY (2014) Dve treti belorussov podderzhivaiut rashizm i Krymnash – opros, available at: <http://bramaby.com/ls/blog/bel/934.html>. (accessed: 30.05.2016).

Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press.

Grechneva E.F. (2014) Realizatsiia gosudarstvennoi molodezhnoi politiki v respublike Belarus', available at: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/106442> (accessed: 03.04.2019).

Lepeshev D.I. (2018) Statisticheskii analiz proizvodstvennogo potentsiala malogo predprinimatel'stva Grodnenskoii oblasti, in: Ganskogo V.A., Tsybovskogo V.L. (eds.) *Biznes i predprinimatel'stvo v usloviakh sovremennoi ekonomiki: organizatsionnye, upravlencheskie i finansovye aspekty ustoichivogo razvitiia*, ООО “Kovcheg”, Minsk, Belarus', pp. 58–74.

Litvak N.V. (2010) K voprosu o klassifikatsii kontseptsii informatsionnogo obshchestva [On the classification of the concepts of the information society] *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 8, pp. 3–11.

Litvak N.V. (2018) Sovremennaia diplomatskaia sluzhba kak reflektivnyi institut [Modern diplomatic service as a reflexive institution] *Polis. Politicheskie issledovaniia*, no 2, pp. 163–172.

Mel'iantsov D., Artemenko E. (2016) “Miagkaia sila” Belarusi v regione: otsenka potentsiala. Doklad 31.05.2016, available at: <https://belinstitute.com/ru/node/3373> (accessed: 20.02.2018).

Natsional'nyi statisticheskii komitet Respubliki Belarus' (2010) Itogi perepisi naseleniia 2009. Statisticheskii biulleten' № 26/5-r, available at: <https://www.belstat.gov.by/informatsiya-dlya->

respondenta/perepis-naseleniya/perepis-naseleniya-2009-goda/statisticheskie-publikatsii/statisticheskie-byulleteni/index_544/ (accessed: 27.05.2018).

Rasinski A. (2019) Belarускаia mova: 1918-2018. Na prykladze adukatsyi i druku, available at: <https://belinstitute.com/ru/article/3576> (accessed: 22.09.2019).

Rudkoŭski P. (2019) Natsyianal'naia identychnasts': dziazhaŭnaia palityka i gramadska ia dumka, in: Belorusskii ezhegodnik, Logvino Literatūros namai, Vilnius, Lithuania, pp. 109–117.

Sztompka P. (1991) *Society in Action: The Theory of Social Becoming*. Chicago: University of Chicago Press.

Tagil'tseva Iu.R. (2014) Brat ty mne ili ne brat? ili Informatsionno-psikhologicheskaja voina v kontekste rossiisko-belorusskikh otnoshenii [Are you brother to me or not brother? Or Information-psychological war in the context of Russian-Belarusian relations] *Politicheskaia lingvistika*, no 4, pp. 180–186.

World Values Survey (2011) WV6_Results Study # Belarus 2011_v20180912, available at: <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (accessed 12.10.2018).

The Establishing of Belorussian Identity in the Age of Reflective Modernity

Received 27.02.2020

Authors: **Makhmutov R.**, PhD student, Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (IPACS RANEPa). **Address:** 119606, Russia, Moscow, Prospect Vernadskogo, 84. **E-mail:** 7900900rus@gmail.com

Litvak N., Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University). **Address:** 119454, Russia, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76. **E-mail:** jourfr@mail.ru

Abstract. The article presents an interdisciplinary study of the socio-cultural foundations of the post-Soviet policy of Belarus, in particular, the value and linguistic factors, which are increasingly defined by personal and institutional social reflection. The relevance of the study is determined by both internal and external factors for Minsk. As many of other CIS countries, Belarus continues to search for its own, post-Soviet identity, which is influenced by supporters of various types of socio-economic systems (with strong statist, socialist, liberal and other components). This process takes place in the context of the post-Soviet reformatting of the regional and world order – the expansion of the EU and NATO and attempts to form Eurasian structures in the East. Factors of value, cultural and linguistic self-identification were studied by the methods of comparative and historical analysis in the context of reflective sociology. The novelty of the study is to identify the alignment of the Belarusian identity with the Russian language. The authors conclude that in Belarus like in other European countries acknowledgment of an additional state language does not impede sovereignty, cultural and political identity.

Keywords: Belarusian identity, Belarusian language, social reflection.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32020128138>